

Владимир Ионов. Фото: Екатерина Мальдон / Facebook

22.01.2015, 15:14 Москва

ИНТЕРВЬЮ

«Себя люблю, поэтому приходится выходить»

16 января на 75-летнего москвича Владимира Ионова **завели** первое в России уголовное дело за «неоднократные» (то есть более трех за полгода) нарушения на публичных мероприятиях. За несколько часов до этого Ионова в наручниках привезли в Тверской районный суд, где судья Иванов приговорил пенсионера к штрафу в 20 тысяч рублей за участие в несогласованной акции 10 января — тогда Ионов был задержан во время одиночного пикета с плакатом «Je suis Charlie». Следом был вынесен еще один обвинительный приговор, на этот раз за участие в акции, состоявшейся накануне, 15 января, на Манежной площади, и еще один **штраф**

— 150 тысяч рублей за «повторное»
нарушение.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Хотя оба судебных решения еще не вступили в законную силу, именно они легли в основу уголовного дела — наряду с приговорами за участие еще в двух акциях, 13 и 14 сентября. Одиночный пикет, единственный вид протестных акций, не требующий согласования с местными властями, очень легко сделать незаконным: достаточно подойти и встать рядом. Именно это стало поводом для задержания Ионова как в сентябре, так и в случае с «Je suis Charlie».

Направляясь в спецприемник № 2, чтобы поддержать своего соратника **Марка Гальперина**, после акции 15 января находящегося под арестом, Владимир Ионов рассказал ОВД-Инфо о последних задержаниях — и о том, с чего все началось.

Владимир Ионов, 15 апреля 2007 года. Фото: Станислав Решетнев / Каспаров.ру

Это было давно, много лет назад, когда еще вместе выходили Лимонов, Касьянов, Каспаров, Рыжков. Однажды назначили сбор на Пушкинской. Я вышел из метро и вижу — все есть. Хочу к ним пройти, а все огорожено, все в милиции — милиция, милиция, милиция. Я попасть не могу. Обошел вокруг, сначала по Тверскому бульвару, потом — через «Макдональдс». Иду, а мне навстречу женщина с вот такими глазами: «Не ходите, там избивают

людей!». Но я все-таки дошел, мне страшно, но я дошел. Смотрю — а там уже не мои сторонники, а нацисты собрались. Ну, там мне делать нечего, я повернул обратно. Я так разозлился, меня всего колотило: «Как же так, что же это за издевательство над людьми!» Наверху, на Пушкинской, есть канцтовары. Я пошел, купил лист ватмана, маркер, сложил его в четыре раза — маленький получился, четвертушка — и написал: «Много милиции, но Милошевичу она не помогла». Тогда с Милошевичем все возились. Мне сказали, что на Тургеневской наши собираются, и я с этим плакатом пришел на Тургеневскую. Выхожу из метро, а там такой приступочек, а внизу стоит цепь омоновцев. Я встал, держу этот лист. Ну, две-три минуты я простоял, эти, кто может читать, — читали, кто не может — смотрели. Появился офицер и на меня показывает пальцем: «Этого — взять». И меня, естественно, взяли, посадили в автобус. Только меня посадили в автобус, тут началась бойня — разгон, избиения, крики. Мы просидели в автозаке это время, а потом нам сказали: «Идите вон». И все, мы пошли. Потому что мы никто. Вот с этого и началось.

Полиция на Манежной площади. 15 января 2015 года. Фото: Василий Петров / Facebook

15 января я просто приехал на Манежную площадь — посмотреть, кто придет. Я там появился в пол-восьмого. Прошел буквально несколько метров, тут ко мне подходит офицер, которого я в лицо знаю, и он меня знает, потому что он все время на Манежной площади находится. Он сказал: «Вот этого», — и все, меня повели в автозак. Потом была ночь в ОВД, спать было неудобно, хотя и на матрасе, я практически не спал. Потом был суд, где мне присудили штраф в 150 и 20 тысяч. А после этого началось просто издевательство. Мне ничего не вернули — ни шнурков, ни подтяжек, ни телефона. Начали меня возить, в ОВД тянули время, мурыжили меня

до самого позднего вечера. Я звонил все время по «02», но никакого эффекта не было, там дежурный от меня уже бегал, потому что надоело: ему работать надо, а я звоню. Потом меня насильно вывели на улицу, посадили в машину и отвезли в прокуратуру.

В прокуратуре со мной никто не желал разговаривать. Мне сказали: «У вас адвокат есть?» Я говорю: «Есть адвокат». И пока адвокат не приехал, мне ничего не говорили. А потом сказали: против вас, поскольку у вас целый ряд нарушений, возбуждено уголовное дело. Я знал о том, что вышло новое **постановление**, про многократные нарушения. Но я на Манежную площадь вышел без ничего, у меня ничего не было, никаких намерений, я просто как гражданин вышел на площадь и не думал, что будут какие-то последствия. Но было приказание взять — Марка [Гальперина] и меня, была команда «фас».

Я, честно говоря, не сообразил, что мне бы надо было вообще не отвечать ни на какие вопросы. Но пошли уже вторые сутки этого издевательства, такого образа жизни, так скажем, непривычного. И, извините, когда я знаю, что у нас в Техническом переулке генерал-лейтенанты **выбрасываются из окон**... Я же не боец, я, честно говоря, испугался — куда везут, чего везут, Бог его знает. Одни оборотни в погонах забрали, другие оборотни в погонах везут куда-то...

Если бы я был более-менее адекватный, если бы я чувствовал себя гражданином, а не инфузорией, то я бы просто не стал с ними разговаривать, потому что попал я туда недобровольно: меня схватили, как вещь, и привезли. Ночь бы еще там просидел, голодовку бы объявил — так поступают граждане. А поскольку я пришибленный гражданин, я повелся, согласился на все эти преступные действия. Поскольку я изуродованный — изуродованный советской властью и нынешней, я вот так

себя соответственно веду, пугливо, что с меня взять.
Психология уже отработанная, страх сидит в печенках.

Чувствует себя человек, конечно, очень плохо, когда он понимает, что с ним могут сделать все, что угодно. Тем более, после такой ночи, после всего. А тем более когда свобода уже вот-вот, вот тут вот! У меня на вечер был намечен семинар в Сахаровском центре. Человек уже настроен на свободу, а его берут и насильно куда-то везут. Нервное потрясение серьезное, вот до сих пор отойти не могу.

Владимир Ионов. 10 января 2015 года. Фото: Марк Гальперин / Facebook

В субботу, 10 января, нас пришло человек пятнадцать. Пикет одиночный, а все люди пришли равнодушные, не мертвые души, у каждого по несколько плакатов. У меня их было семь штук, но стоял я тогда с «Шарли». Желающих было много, и мы стояли по очереди у Жукова, буквально по две, по три минуты. Я только встал, успел поднять руки — и ко мне подошли [полицейские]. Потом, правда, мне рассказали, ко мне подошел верноподданный, титушка какой-то, и меня поэтому забрали. Марк Гальперин начал за меня заступаться, и его тоже забрали. Вот мы вдвоем и уехали.

А повезли интересно. Этого титушку посадили с нами и повезли, не довезли буквально метров пятьдесят до ОВД «Китай-город». Титушку высадили — мы, говорят, его пешком отведем. А нас повезли в другое отделение. Я полагаю, они испугались, потому что люди собираются и нас ждут, встречают. И поскольку рядом Красная площадь, они развернулись и поехали в другой ОВД. Зачем им: праздник — а тут лишний шум и гам, какие-то люди несогласные ходят. Все согласные, все кричат «ура», а тут такая кучка несогласных. Я думаю, поэтому.

В сентябре были одиночные пикеты. Собиралось очень много противников этих пикетов, меня хватали и избивали, рвали плакаты. Власть, конечно, стояла на стороне вот этих вот людей, которые нападали — патриоты они или титушки, я не знаю. Власть всегда была на их стороне и всегда поддерживала.

Я никогда, стоя в одиночном пикете, не нарушал никаких правил. Иногда раздавал какие-то буклеты от ПАРНАСа, это не запрещено, иногда раздавал журнал «The New Times», «Новую газету» — старые номера, потому что там информации много, это оппозиционная газета. Я ничего не нарушал, но людей, которые были противниками моего стояния с плакатами, было много, они приходили целой оравой и писали, что он такой-сякой, против власти, против народа, раскачивает лодку. Но я им объяснял, что российская лодка утонула в октябре 1917 года, а сейчас у нас плывет пиратский корабль.

Как я еще могу выразить протест, мирно и без оружия? Я не боец, всю жизнь пробоялся, боком проходил. Но я знал, что я живу в государстве, которое должно защитить. И Ельцин, каким бы он пьяницей ни был, он защитил, он выполнил свою работу в Буденновске, он освободил заложников. А Путин, поскольку его учили мочить, в «Норд-Осте» замочил 130 человек и 330 — в Беслане. Меня это не устраивает. Я просто себя люблю. Я знаю: попаду я в ситуацию типа «Норд-Оста» или Беслана, он меня замочит. Причем пленных он не берет, чтобы выяснить — кто, чего, откуда. Там все покойники. Вот, собственно, и вся история. Просто любовь к себе. Себя люблю, поэтому приходится выходить.

Плакаты у меня всегда были очень жесткие, довольно-таки неприятные для Путина. Например, «Меняю Путина

на евро», «Путин — враг народа», «Шариков жив и Путиным работает». Последний плакат лежит дома, он еще не опробован: «Путин — рак народа». Этот еще не обкатан. Но мне сказали пока не выходить, поэтому я, поскольку люди обо мне думают, обо мне заботятся, адвокат и соратники раз мне говорят, я же не могу — я могу против власти пойти преступной, а против своих соратников я же не могу. Они сказали: «Пока не надо, неделю отдохни». Я поэтому никаким боком. С меня ведь еще подписку о невыезде взяли.

Сейчас я еду в спецприемник № 2 — навестить Марка, меня не пустят, конечно, но посмотреть, пообщаться с людьми, которые со мной одной крови. Инерция же есть. Вот по закону инерции. А то все вдруг раз — и все остановилось. От этого как-то не по себе.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело Владимира Ионина

5 21